

Патти
Каллахан Генри

История
с продолжением

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 17

Patti Callahan Henry
THE STORY SHE LEFT BEHIND
Copyright © 2025 by Patti Callahan Henry
All rights reserved

Перевод с английского Александра Яковлева
Оформление обложки Виктории Манацковой

Каллахан Генри П.

К 17 История с продолжением : роман / Патти Каллахан Генри ; пер. с англ. А. Яковлева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 480 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-28613-9

Она прославилась, когда ей было всего двенадцать лет. В 1909 году ее книга ошеломила весь мир и стала национальной сенсацией. А в 1927-м Бронвин исчезает у берегов Южной Каролины, оставив мужа, маленькую дочь Клару и продолжение своего гениального романа, написанное на тайном, непереводаемом языке... Спустя четверть века в доме Клары раздается телефонный звонок: в Англии обнаружен рукописный словарь утраченного языка ее матери. Окрыленная надеждой, Клара со своей восьмилетней дочкой пересекает Атлантику и прибывает в Лондон во время одного из величайших бедствий — Великого смога. От смертельной опасности приходится бежать в Озерный край, где в истории исчезнувшей Бронвин открываются удивительные подробности...

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-28613-9

© А. Л. Яковлев, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

БРОНВИН НЬЮКАСЛ ФОРДХЕМ

Блафтон, Южная Каролина

1927

Наступает два часа ночи, когда приходит пора оставить всех, кто ей дорог. На берегу реки Мэй она отвязывает от швартовой тумбы на ветхой пристани канат, удерживающий «крис-крафт», и спускается в лодку. В бархатистой тиши молодая луна кутается в темный плащ, а звезды горят, как огни того пожара, что заставляет ее бежать.

Когда через шесть часов вернется прилив и покроет прибрежные луга и потайные протоки, она будет уже далеко. Расписание приливов в этом эстуарии она знает настолько хорошо, что ей нет нужды сверяться с морской картой или смотреть на старенький барометр, висящий на огороженном щитом крыльце их гонтового дома. Она спланировала побег до мелочей, поэтому не колеблется.

Отлив подхватывает лодку и бережно влечет по покрытой от ветра рябью реке к морю. Течение оказывается более быстрым, чем она предполагала. Огни Блафтона мерцают вдоль линии берега, как светлячки. С минуты на минуту нужно будет завести мотор и направить лодку в сторону острова Тайби и далее, к Саванне.

Она глядит на усеянное звездами чернильное небо, на Орион и Большую Медведицу. Ей не хочется смотреть, как исчезает привычный и любимый пейзаж.

В уме у нее формируется список — привычка, выработавшаяся с детских лет.

Во-первых, это перечень взятых с собою вещей: лодка, смена одежды, сто долларов наличными из конверта, хранившегося на случай крайней нужды, записная книжка, ручка и кожаный ранец, содержащий слова, которые она искала и создавала всю свою жизнь.

Суденышко подпрыгивает и покачивается; она смотрит на горизонт, выжидая, чтобы запустить мотор. Мысли лезут в голову, возвращая к тому, что остается позади: тихий плеск подступающего прилива на устричных отмелях за окном; крытый серым гонтом дом, служивший ей приютом вот уже десять лет; комната, где она писала и читала, сидя в обтянутом ситцем кресле, из швов которого лезет набивка; клонящийся к исходу день, когда одолевает истома и она погружается в теплую речную воду; усеянный в разгар лета белыми цветами куст гардении, посаженный ею вместе с дочерью; нежная ласка ветра, когда сидишь на крыльце; муж, склоняющийся к ней в постели и сплетающий пальцы с ее пальцами в час, когда цикады словно переходят на крик.

И еще — Клара.

Пробираясь в кокпит, она держится за планширь, чтобы не упасть. Она нажимает кнопку, опуская одноцилиндровый двигатель в воду, и первобытная тоска по дочери обрушивается на нее, грозя сбить с ног. Она собирается с силами, черпая их в сознании, что, если вернется домой, мир сполна сотворит с ней то, что делал пока только частично.

Она думает о красоте места, которое хотела бы унести с собой: места, где светлячки оживляют ночь, а сосновые иглы устилают землю мягким одеялом, где вода переливается алмазами в восходящем солнце, где поверхность реки серебрится от резвящихся мальков.

Утраты множатся, и ей нет дела до того, что скажут другие, нет дела до своего благополучия — Бронвин обязана идти вперед, прочь от всего того, что случится, если она останется. Есть поступки, которые нельзя не совершить.

Невидимый мир вечно манил ее. Она знает, что должна сделать — должна стать невидимой. Это ответ персонажа, созданного ею, и ее собственный ответ. Их судьбы всегда были переплетены, теперь она в этом окончательно убедилась.

Она находит кнопку пуска и нажимает; мотор урчит, вода за кормой вскипает, ее рука сдвигает вперед рычаг газа. Бронвин кладет руки на штурвал. Здесь ее воды, и ей нет нужды видеть, чтобы найти путь.

ГЛАВА 2

КЛАРА ХАРРИНГТОН

Блафтон, Южная Каролина

Ноябрь 1952

Мать пропала двадцать пять лет назад, когда мне было восемь, и до сих пор она каждый день является мне. Это происходит в обороте употребленной мною фразы, в песне прилива за домом, в творческом порыве моей дочери, собирающей мох для кукольного домика, или в подсказках и посланиях, которые научила меня видеть мать в мире природы. Она словно везде и нигде одновременно. Ее нет, она здесь, и она — загадка.

Благодаря этой неуловимой энергии мне удалось создать в своей жизни нечто, что принадлежит только мне. Речь о моем искусстве — это мои владения, моя страсть, мое убежище от внешнего мира, куда никому нет хода.

По крайней мере, так мне казалось.

В нашем доме с кровлей из кедрового гонта, стоящем на поросших спартиной берегах реки Мэй, я пряталась в мир ежихи по имени Гарриет. Я рисовала ее для детских книжек. Я держала над холстом соболью кисточку, готовая выписывать тонкие линии усов. Богатый и затягивающий ландшафт этой истории манил меня, и я каждый день с нетерпением входила в созданный автором мир, хотя с писательницей никогда не встречалась. Я была ее иллюстратором.

Я полюбила эту маленькую ежиху с одним ушком, старающуюся найти свое место в стране озер и гор, с волшебными говорящими зверями и широкими просторами, поросшими луговыми цветами и ивами. Для меня дух Гарриет был эхом моей восьмилетней дочки Винни, аллегорией борьбы, которую вела Винни со своим третьим классом, с толстыми линзами очков и слабыми легкими.

Я работала на веранде, которую приспособила под художественную студию. Черточки усов Гарриет дрогнули под моей кистью, когда меня испугал дребезжащий звук дверного звонка. Я уронила кисть на брезент и едва не столкнула палитру с акварелью с бокового столика.

Резкий переход из одного мира в другой, из воображаемого в реальный, зачастую вызывает у меня стресс. Мне требуется время, чтобы вернуться. Часы на дальней стене подсказали, что за работой я провела четыре часа. Я напрочь забыла про обед, и уже пришла Марго, чтобы взять условленное интервью для газеты.

Я собиралась сперва умыться, чтобы предстать во всем блеске только что выигравшего престижную премию художника, но время ушло, да к тому же Марго знала меня слишком близко, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. Я поспешила к парадной двери, на ходу вытирая руки о приспособленную под фартук старую рубашку Ната, выцветшую и покрытую пятнами краски.

На ступеньках парадного входа, под сенью виргинского дуба, раскинувшего заскорузлые ветви во все стороны, словно он искал что-то все минувшие двести лет и никак не мог найти, стояла Марго в ситцевом платье в цветочек, с новомодной короткой стрижкой с завивкой. Я не удержалась от улыбки при виде ее стараний

придать себе лоск — ей хотелось предстать передо мной настоящей журналисткой, равно как мне хотелось выглядеть в ее глазах профессиональной художницей, будто нам за многие годы не доводилось видеть друг друга встрепанными и таскаться на школьные танцы по убогим спортзалам.

— Входи, входи. — Я обняла ее. — Прости, потерялась во времени. Со мной такое случается иногда.

На самом деле следовало сказать «постоянно».

Она вошла за мной в дом, где я выросла и жила теперь с моим отцом, где Марго бывала бесчисленное число раз. Ее высокие каблуки цокали по паркету.

— Спасибо, что согласилась. Мистер Фарнем был так впечатлен, что я едва выпросила это интервью для себя.

Ее нервозность и взволнованный, прерывистый смех заставили нас почувствовать себя так, словно нам снова по тринадцать.

— Это просто я, Марго.

— Знаю, но это такое событие, Клара. Получить медаль Калдекотта — великое достижение.

— Спасибо. Я действительно очень рада. — Слепелуденное солнце струилось через окно, ромашково-желтыми полосами ложась на подоконники и паркет, на дубовый кухонный стол и окрашенную в цвет весенней зелени дальнюю стену. Я жестом предложила Марго следовать за мной. — Давай посидим на заднем крыльце: сегодня довольно тепло для ноября. Лимонаду хочешь?

— А покрепче нет?

— Серьезно? Сейчас только два часа дня.

— Шучу. Шучу я. — Вид у нее был смущенный. — Лимонад — это замечательно.

Наш дом примостился на мысу устричной отмели в конце грунтовой дороги из Блафтона, штат Южная

Каролина, — маленького прибрежного городка, изгибом расположенного вдоль эстуария реки, этого мутного от ила водного пространства. Когда береговую линию затопливает, устричные раковины издадут звук, который моя мать называла «приливной песней». Мы с Марго сели за старый железный стол с покрытыми ржавчиной краями; перед нами раскинулся сад, осенние краски которого казались особенно яркими на фоне серебристо-серой реки. Розовые с белым кусты камелии горели поздним цветом; рассеянный по двору золотарник выделялся на фоне пожухшей травы.

Все утро я провела в мире Гарриет, но здесь был мой мир, с его скрипучими полами и старыми петлями, покосившимися настилами и солоноватым запахом, с облупившейся побелкой и треснутой раковиной под кухонным окном. Здесь все было идеально. Это мой дом.

Марго вытерла платком мокрое пятно на столе, открыла синий блокнот и уселась.

— Как вижу, ты готова.

Она улыбнулась мне, набрала в грудь воздуха и выдохнула первый вопрос:

— Клара, ты занялась иллюстрацией, потому что твоя мать написала популярную детскую книгу?

Я мотнула головой, поскольку, хотя и предчувствовала этот вопрос с того момента, как мне позвонили с просьбой об интервью, все-таки надеялась, что во имя нашей дружбы она меня пожалеет.

— Брось, Марго. Ты ведь знаешь, что я не люблю говорить о ней.

Я отпила глоток лимонада и пожалела, что это не что-то покрепче, как предлагала в шутку моя подруга.

Она повертела в руках синий блокнот на пружинке, погрызла хорошо пожеванный ластик и попыталась снова.

— Я просто спрашиваю о том, что интересно знать людям. Это не праздный вопрос. Такая у меня работа.

Я отвела от нее взгляд и посмотрела на поросший травой болотистый луг, ставший из зеленого бурым. Не вина Марго, что ей приходится направлять нас в негостеприимные воды. Даже комитет премии Калдекотта не обошел этих тем обо мне в недавнем пресс-релизе: моя знаменитая исчезнувшая мать и ее книга, моя работа учителем рисования в начальной школе, моя дочь. Это те вещи, которые сформировали меня. Ну, хотя бы развода не коснулись.

Здесь, в Блафтоне, секреты хранить сложно. Такова цена сделки, которую заключаешь сам с собой, когда женишься, живешь и работаешь в том же городе, где вырос. Ты принимаешь на себя обязательства, от которых трудно избавиться. Но при той клаустрофобии, свойственной малым городам, ты черпаешь большое утешение в том, что все тут тебе знакомо и есть друзья, подобные Марго.

— Калдекотт, — проговорила Марго, стараясь вернуть меня к теме. — Клара, это на самом деле здорово. Ты становишься знаменитостью. В нашем городе никто не был знаменит, за исключением героев войны.

Я склонилась к Марго:

— Да кто тут вообще знает, что такое медаль Калдекотта? Не стану я знаменитой. Я учитель рисования в начальной школе. По большей части я работаю, вся перемазанная краской и в пятнах от пасты.

— Когда в Чикаго состоится церемония награждения, едва ли тебе станут задавать такие же вопросы.

— Послушай. Даже в самых смелых своих помыслах я не мечтала о таком. Когда на прошлой неделе мне позвонили и сказали, что я победила, до меня даже смысл слов не сразу дошел. Я не знаю, чему посвящены мои

иллюстрации, — в них нет никакого психологического подтекста, насколько я могу об этом судить. Я просто постоянно испытываю стремление запечатлеть то, что меня окружает. Я одержима рисованием и искусством все время, сколько себя помню.

— Как нашла тебя Элиза Уокер, автор книги? — спросила Марго, строча в блокноте. — Это ведь широко известная писательница, а ты всего лишь начинающий иллюстратор. Относительно начинающий, имеется в виду. И разве она не живет в штате Мэн?

— Она увидела несколько «Золотых книг» с моими работами и попросила издателя связаться со мной. Я послала свои иллюстрации в Нью-Йорк, вот и все.

— Вы с ней встречались?

Я замотала головой:

— Никогда с ней не разговаривала. Мы переписываемся. Элиза любезна и добра и очень официальна. Мне нравится оживлять ее мэнский пейзаж, делая его насколько возможно прекрасным, — добавила я, стараясь набросать Марго набор цитат для статьи. — Но чтобы получить медаль? Для меня это полная неожиданность. Радости нет предела. Честное слово, я не могу в это поверить. Но чтобы стать знаменитостью — это нет!

Марго рассмеялась и снова стала той женщиной, которую я знала.

— Но в этом городе ты знаменитость, верно? Бьюсь об заклад, отец очень тобой гордится. Он все еще работает в той больнице в Бофорте?

— Да, и он действительно гордится мной. — Когда мне позвонили, отец расплакался и обнял меня так крепко, что стало больно. Я продолжила: — Винни тоже. Она думает, что я привезу домой приз. Придется объяснить, что награда — это всего лишь монета.

— Как насчет... — Марго закусила нижнюю губу.

— Ната? — перебила я. — Все нормально, я не против поговорить о нем. Он очень рад за меня.

Это была правда. Мой бывший муж не был плохим человеком, просто любил игру больше, чем нас. Но даже здесь я слегка кривлю душой, потому что, если честно, у меня нет сомнений, что нас он любил больше. Но его порывы или пристрастия влекли его в другую сторону. В результате мы потеряли дом, и это привело меня к адвокату по разводам, у которого не так много работы в нашем консервативном городишке. А следуя этой дорогой дальше, я оказалась в доме моего детства.

«Одно вытекает из другого» — так гласит пословица.

Марго постучала ногтями одной руки о ногти другой — имелась у нее такая нервная привычка, от которой страдал розовый лак.

— Помнится, ты делала маленькие рисунки на полях всех тетрадок. У тебя всегда был талант, это заслуженная награда.

По реке шла устричная лодка; с обоих ее бортов свисали, как занавески, сети, а чайки и крачки, хохоча, описывали похожие на танцевальные па петли в надежде на поживу. Внезапно настроение у Марго переменялось.

— Клара, как думаешь, есть поступки, которые нам предрешено совершить? Существует такое понятие, как судьба?

— Судьба. Большое слово, тебе не кажется?

— Да. — Она встретилась со мной взглядом.

— Судьба. Предначертание. Мы сами их творим.

Соленый ветер дул с бухты, шевеля волосы, и у меня возникло очень странное ощущение, что эти слова произнесла когда-то моя мать. Что это она говорит моими устами. От этой мысли стало одновременно тепло и зябко.

— Я верю, что есть вещи, которые нам предначертано совершить. Не спрашивай, кем предначертано, потому что у меня нет ответа. Но мне кажется, в нас заложено много разных судеб и мы не можем осуществить сразу все. Выбор за нами.

— Много судеб, — проговорила Марго. — Мы выбираем. Мне нравится.

— И да, быть может, искусство — одна из моих.

Она черкала по бумаге, а я тем временем читала перевернутые слова: «много судеб».

— Нужно что-то еще? — спросила я. — Винни придет с минуты на минуту.

Мои уши уже настроились ловить шум подъезжающего школьного автобуса, звуки шагов дочери, бегущей через дом с криком: «Мама!»

Марго захлопнула блокнот и расслабилась, откинувшись на спинку стула.

— Я так горжусь тобой, Клара. Честное слово.

— Спасибо. Это для меня очень важно. Если что-то еще понадобится, ты знаешь, где меня найти.

— Моя благодарность. И поздравления.

Когда она ушла, я осталась на улице, поджидая Винни. Я уже приготовила для нее сэндвич с арахисовым маслом и медом и сухарики — закуску, которую мы захватим на борт старенького папиного катера. Таков был наш каждодневный ритуал, когда погода позволяла. До возвращения отца мы забросим сеть для ловли маленьких серебристых рыбок и будем любоваться клонящимся к закату солнцем.

Тем не менее мысли о Винни не могли заглушить вопрос, заданный Марго. Он так и зудел внутри. *Ты занялась иллюстрацией, потому что твоя мать написала популярную детскую книгу?* Это бесило меня. Просто бесило. И все же, может, так оно и есть на самом деле?

ГЛАВА 3

ЧАРЛИ ДЖЕЙМСОН
Сент-Джеймс-сквер, Лондон

Ноябрьский вечер выдался колюче-холодным и промозглым, но в отцовской библиотеке, среди книг, Чарли было тепло. Комната словно хранила дух человека, которым был когда-то отец для мира и для Чарли.

С похорон отца прошло три недели. Сегодня Чарли впервые вошел в отцовскую библиотеку, не постучав и не услышав ворчливое, но дружелюбное: «Присоединйся, сынок».

В семь вечера в лондонском доме было темно, Чарли остался один. За окнами мерцали на Сент-Джеймс-сквер уличные фонари; в расположенной на третьем этаже библиотеке было тихо, как в том склепе, где погребли Каллума Джеймсона.

Чарли достаточно долго оттягивал этот миг.

Сегодня вечером он пропустил выступление «Парней», впервые за восемь лет. Но участники кельтского ансамбля отнеслись к этому с пониманием: его заверили, похлопывая по спине, что уж как-нибудь один вечерок без него обойдется.

Чарли зажег все лампы в библиотеке и вдохнул пропитавший комнату слабый запах древесного дыма. В кирпичном камине, облицованном гранитом из каме-

ноломен родного для матери Озерного края, на решетке скопился под обгоревшими поленьями пепел. Джеймсоны принадлежали к счастливчикам, до сих пор использовавшим настоящие дрова, в то время как большая часть лондонцев маялась с вонючим дешевым углем, дающим больше дыма, чем тепла. Скопившимся под решеткой остаткам было уже три недели — то была память о мгновении, когда отец схватился за грудь и посмотрел на сына.

— Эй, что за дела? — воскликнул он. — Сдается, у меня сердечный приступ. Подойди, Чарли.

Так он произнес последние свои слова, одной рукой держась за грудь, другую вытянув вперед. «Подойди, Чарли».

Каллум Джеймсон отметил пятьдесят шестой день рождения большой вечеринкой в этом самом доме всего четыре месяца назад. Слишком рано покинул он двух сыновей-близнецов, Арчи и Чарли, и их мать Пиппу.

Указания были ясными: семейную финансовую компанию наследуют оба сына. Арчи возглавит инвестиционную фирму, основанную в 1690 году, собранную по песчинке семейством матери Берроу и обращенную в монолит успеха ее супругом-ирландцем. Чарли предстояло оставаться в «Берроу холдинг» под верховенством брата, продолжать карьеру музыканта и заботиться о содержании дома в деревне.

Помимо этого отец поручил Чарли сохранить и каталогизировать его обширную библиотеку здесь, в Лондоне.

Чарли вполне понимал завет продолжать музыкальную карьеру: кельтский барабан, на котором он играл, был последним напоминанием об ирландском происхождении Каллумов. Отец играл на обтянутом кожей

теленка инструменте и старался приобщить к этому искусству обоих сыновей. Толк вышел только из Чарли.

У папы не осталось прямых родственников по родовой линии, только троюродная сестра. Мать, отец и родной брат Каллума погибли во время ирландского восстания 1916 года в Дублине. Самому Каллуму было тогда двадцать; он жил в Америке, изучал математику.

Арчи, Чарли и Пиппа были его семьей. И эта вот библиотека — да, ее он определенно любил не меньше, чем других близких.

Пока Чарли сидел за отцовским столом из красного дерева в библиотеке, а мать оплакивала утрату в их сельском доме, Арчи вникал в бумажную работу в лондонском офисе компании.

Ребенком Чарли сживал за этим столом у отца на коленях, пока тот пролистывал книги по истории и разглядывал карты. Папа читал ему захватывающие истории из скандинавских и кельтских мифов, вместе они слушали оперы Верди и народную кельтскую музыку. Каллум знал древний ирландско-гэльский язык, но редко говорил на нем. Зато научил сына нескольким гэльским песням, как если бы боль по всему, что он потерял, можно было выразить только через музыку.

Эта комната была доменом Каллума, его территориальным владением, всегда содержащимся в идеальном порядке. Никто не входил туда без разрешения отца, но, войдя, как казалось некогда Чарли, ты попадал в совершенно иной мир.

С чего начинать в этом помещении, заставленном сосновыми полками от пола до потолка, где висят картины, изображающие природу и ее дикую жизнь? Дубовые стены приобрели с годами медовый оттенок, темно-зеленые шторы из камчатного полотна не пропускали

в освещенную лампами комнату свет с улицы. На полках громоздились переплетенные в кожу тома, а посреди всего этого стояла высокая лестница на колесиках. Эта библиотека была творением отца, делом его жизни. В каждом ее уголке хранились древние карты, фолианты и редкие издания.

Каллум Монткрест Джеймсон Третий являл собой сочетание контрастирующих интересов: финансового менеджмента и мифологии. Громогласный, высокий и представительный, он воплощал оба эти архетипа. Друзья и близкие говаривали, что в сыновьях-близнецах Каллума его личность раскололась надвое. Арчи унаследовал логику, а Чарли мифы. Чарли удостоился степени магистра истории в Оксфорде, тогда как брат получил финансовое образование в Кембридже.

Легко было классифицировать братьев по такому принципу, но при этом оба оставались членами одной семьи, были объединены общими интересами, и оба всерьез заботились о семейной инвестиционной компании.

На столе, на кожаной накладке цвета почвы, лежала горстка табака, высыпавшаяся из каштановой трубки Каллума в тот вечер, когда его настиг удар. Свадебная фотография Филиппы и Каллума в серебряной рамке, сделанная в день их бракосочетания в сельской усадьбе. Снимок с Арчи и Чарли стоял справа от нее: пятилетние близняшки в синей весельной лодке на своем излюбленном озере Эстуэйт-Уотер. Двойняшки позировали с пойманной ими форелью, которую предстояло подать к обеду. Рыбка была такой маленькой, что каждому из четверых досталось только по кусочку. Но по горделивым улыбкам рыбаков стоило предположить, будто они только что загарпунили кита.

В центре стола лежала аккуратная стопка бумаг — банковский отчет, который следует передать Арчи.

Ну и, как всегда, книга по истории, на этот раз про викингов, вторгшихся в Ирландию и оказавших влияние на кельтскую культуру, — тема, бесконечно увлекавшая Каллума.

Что случилось со всеми знаниями, которые скопил и берег в своей душе Каллум? Что произошло с его умом и мудростью? Где они теперь? Чарли обуяла печаль.

С тяжелым вздохом он встал и подошел к проигрывателю. В нем все еще стояла пластинка, игравшая в день смерти папы. Чарли щелкнул тумблером и опустил иглу на винил. «Богема». Чарли подумалось: сможет ли он когда-нибудь услышать первые звуки этой оперы, не вспоминая об отце? Или, если точнее выразиться, не скорбя о нем. Никто не мог сравниться начитанностью с Каллумом, он прочел все, от пророков до поэтов, от классики до современной литературы. Чарли чувствовал, что с уходом отца мир стал совсем пустым и неустойчивым, качался под ногами.

Музыка подпитывала его меланхолию. Он обходил прямоугольную комнату, пробегая взглядом по каждому из разделов: «Математика», «Художественная литература», «Искусство», «Древности», «История», «Карты». На политре, куда отец клал ту книгу, карту или альбом, который изучал, лежала выполненная в 1745 году карта родовых шести акров земли в Озерном крае.

На полпути Чарли замер, так как взгляд его упал на что-то новенькое. На нижней полке, на кипе кожаных футляров со старинными картами, стоял коричневый кожаный ранец, потертый и поцарапанный, с потемневшими медными застежками.

Вернулся охотничий азарт, который они переживали вместе с отцом. Сколько раз он и папа рыскали по букинистическим магазинам и посещали аукционы в поисках еще одной карты, еще одной книги, еще одной...

Чарли поставил ранец на стол. Он был уверен, что прежде этой кожаной сумки в библиотеке не было. Она бы непременно бросилась в глаза среди стопок книг и бережно разложенных по коробкам и помеченным ярлычками документов. Потемневшая застежка была выполнена в виде орла, державшего в клюве книгу.

Откинув тяжелый клапан, Чарли заглянул внутрь, но не увидел ничего, кроме бумаг. Поверх них лежал конверт. Молодой человек вынул его и прочитал надпись: «Только для Клары Харрингтон. Дальнейшие инструкции внутри».

Он ухватил пачку бумаг толщиной по меньшей мере дюйма три и вытащил ее. Просунутая внутрь сумки рука нащупала только шелковую подкладку. Ему вспомнилась знаменитая история про саквояж Хемингуэя. На раннем этапе его карьеры первая жена писателя Хедли забыла в поезде сумку с созданными за несколько лет рукописями. Саквояж так и не нашли.

Это была легенда из тех, что придавали охоте Каллума и Чарли азарта. Однажды, роясь среди залежей Сесил-корга, Чарли спросил отца:

— Что, если мы найдем саквояж Хемингуэя?

Отец рассмеялся и шутливо толкнул сына:

— А может, утраченные рукописи Шекспира?

Очко засчитано. Пусть то была мечта, однако та самая, за которой они следовали охотно. Их путешествие приносило радость, а не муку — так выражался папа. Чарли полной уверенности не питал.

Чарли взял со стола очки для чтения и надел. Склонившись, он заметил надпись, сделанную аккуратным, почти идеальным почерком на верхнем листе: «Содержимое этой сумки может быть передано исключительно Кларе Харрингтон из Блафтона, Южная Каролина». Далее были указаны телефонный номер и адрес. «Бума-

ПАТТИ КАЛЛАХАН ГЕНРИ
ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Татьяна Бородулина, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.09.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 29,4. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-37724-01-R